

ных формул воинских повестей, встречающихся в памятниках XII—XVI вв. А. С. Орлов наблюдает также проникновение стилистических приемов одного жанра в произведения другого жанра,⁹ вслед за Ключевским отмечает не только использование определенных словесных формул, языковых штампов, но и «стереотипную схему последовательного действия».¹⁰ В следующей работе, посвященной изучению стиля исторических повестей XVI—XVII вв.,¹¹ содержатся ценные наблюдения над эволюцией литературных формул: автор демонстрирует преемственность отдельных стилистических приемов и то новое, что вносилось на следующих этапах развития литературы.

После работ А. С. Орлова понятие о литературных формулах прочно вошло в наше литературоведение и лингвистику. Однако ни в терминологии, применяемой для обозначения этого явления, ни в решении вопроса, что же считать литературной формулой, еще нет единства.¹²

Особый интерес для выработки методики изучения литературных формул и уточнения наших взглядов на природу этого явления представляет статья Д. С. Лихачева «Литературный этикет древней Руси».¹³ Автор утверждает, что «не жанр произведения определяет собою выбор выражения, выбор „формул“, а предмет, о котором идет речь»,¹⁴ решительно предостерегает от слишком узкого понимания явления «этикетности»: оно включает в себя не только этикет выражений, но и этикет ситуации, этикет композиции, этикет языка.¹⁵

Прежде чем говорить о задачах изучения устойчивых литературных формул и методике этого изучения, необходимо твердо определить, что мы будем называть литературной формулой. Обратимся к примерам. В. О. Ключевский справедливо отмечал, что агнограф «освещал описываемую жизнь только с некоторых и во всех житиях все с одних и тех же сторон, оставляя в тени другие».¹⁶ Действительно, в большинстве житий мы читаем, например, сходные описания раннего благочестия святого, который избегает игр с детьми и всякого рода «позорищ», с особым рвением отдается чтению «божественных писаний», усердно посещает церковь. Эта почти обязательная, традиционная черта «биографии» святого повторяется в житиях, созданных в разное время, в разных областях Руси, разными авторами. Сравним несколько фрагментов из житий.

«Растый убо тълъмь и душею влекомъ на любовьъ божию, и хожаше по вся дъни въ църкъвь божию, послушая божествныхъ книгъ съ всъмь вьниманиемъ, еще же и къ дѣтъмь играющимъ не приближашеся, яко же обычай есть унымъ, нъ и гнушашеся играмъ ихъ . . . Къ симъ же и датися на учение божествныхъ книгъ . . . И въ скорѣ извыче вся граматикы я».¹⁷

⁹ Там же, стр. 5.

¹⁰ Там же, стр. 6.

¹¹ А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. СПб., 1909.

¹² Так, устойчивые словосочетания, входящие в состав традиционных описаний, называли «стилистическими формулами» (Н. К. Гудзий, С. А. Бугославский), «постоянными формулами» (А. С. Орлов), «стилистическими трафаретами» (Д. С. Лихачев), «устойчивыми формулами» (И. П. Еремин), «стилистическими шаблонами» (Б. А. Ларин), «стереотипными формулами» (В. Мансикка) и т. д.

¹³ Д. С. Лихачев. Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения). — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961.

¹⁴ Там же, стр. 6.

¹⁵ Там же, стр. 6—7, 11—12 и др.

¹⁶ В. О. Ключевский и др. Древнерусские жития. . . , стр. 430.

¹⁷ Житие Феодосия Печерского. — ЧОИДР. М., 1899, кн. 2, стр. 43.